

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEORETICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-24-13>
УДК/UDC 159.9

Мечь: современный взгляд на историческую проблему

Э.В. Колыванова ¹, С.Н. Ениколопов ^{1, 2}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

² Научный центр психического здоровья, Москва, Российская Федерация

 kolyvanovaelina@gmail.com

Резюме

Актуальность. Феномен мести активно изучается в психологии с начала XX в. Акты мести рассматриваются с точки зрения психоанализа, социальной, семейной, криминальной, юридической и других областей психологии. В современном мире поведение, основанное на мотиве мести, встречается в виртуальной среде. К мести как разновидности агрессивного поведения имеется двойственное отношение со стороны общества. С одной стороны, человек, который не мстит, может восприниматься как слабый. С другой стороны, многие воспринимают мечь как неконструктивный способ поведения. Несмотря на распространенность мести, на настоящий момент в психологической науке нет общепринятого мнения относительно определения мести.

Цель. Анализ различных представлений о мести и выделение компонентов мстительного поведения, на основе которых одна из форм ответной агрессии может быть классифицирована как мечь. В связи с этим затрагивается проблема разграничения понятий «мечь», «возмездие», «ресентимент» и «наказание».

Результаты. Мечь имеет существенное отличие от других форм агрессивного поведения — мечь есть всегда реакция на предшествующую агрессию. Мотивационный компонент включает два аспекта: желание отомстить обидчику и стремление сохранить комфортный для человека уровень самооценки. Общество имеет двойственную функцию по отношению к мести: как исходный побудительный момент, влияющий на выбор ответной

реакции на обиду, и как сдерживающий фактор. Готовность прощать определяют изменения в мотивационной сфере человека, нравственное и моральное воспитание и ряд личностных характеристик.

Выводы. В психологической науке феномен мести подвергается тщательному теоретическому анализу. В связи с тем, что месть является внутриличностным феноменом, разработка методического инструментария, в том числе психодиагностических методик, необходима для развития исследований мести.

Ключевые слова: месть, возмездие, желание мести, ресентимент, прощение

Для цитирования: Кольванова, Э.В., Ениколопов, С.Н. (2024). Мечь: современный взгляд на историческую проблему. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(2). С. 11–30. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-13>

Revenge: a Modern View on a Historical Problem

Elina V. Kolyvanova ¹✉, Sergey N. Enikolopov ^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation

✉ kolyvanovaelina@gmail.com

Abstract

Background. The phenomenon of revenge has been widely studied in psychology since the beginning of the 20th century. Acts of revenge are considered in psychoanalysis, social, family, criminal, legal and other areas of psychology. Nowadays behaviour based on the motive of revenge is found in virtual environment. There is an ambivalent attitude towards revenge. On the one hand, a person who does not get revenge seems weak. On the other hand, seeking for revenge can be perceived as an unconstructive way of behaving. Despite the prevalence of revenge, there is no generally accepted opinion in psychological science regarding the definition of revenge.

Objectives. The aim of this work is to analyze various ideas about revenge and to highlight the components of vengeful behaviour, based on which the form of reciprocal aggression can be classified as revenge. The problem of distinguishing between the concepts of “revenge”, “retribution”, “resentment” and “punishment” is considered.

Results. Revenge has a significant difference from other forms of aggressive behaviour. Revenge is always a reaction to previous aggression. The motivational component includes two aspects: the desire to take revenge (revenge seeking) and

the desire to maintain a comfortable level of self-esteem. Society has a dual function in relation to revenge: as an initial motive influencing the choice of response to resentment, and as a deterrent factor. The willingness to forgive is determined by moral development, a number of personal characteristics and changes in the motivational sphere.

Conclusions. In psychological science, the phenomenon of revenge is subjected to a thorough theoretical analysis. Due to the fact that revenge is an intrapersonal phenomenon, the development of methodological tools, including psychodiagnostic techniques, is necessary for the development of revenge research.

Keywords: revenge, retribution, revenge seeking, resentment, forgiveness

For citation: Kolyvanova, E. V., Enikolopov, S. N. (2024). Revenge: a Modern View on a Historical Problem. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(2), 11–30. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-13>

Гневаясь, люди безмерно печалются, не имея возможности отомстить, и, напротив, испытывают удовольствие, надеясь отомстить.

Аристотель, «Риторика»

Введение

Мсть, вероятно, является частью человеческой природы. Мы можем найти множество примеров мести в художественных произведениях: «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, «Три товарища» Э.М. Ремарка, «Гамлет» и другие пьесы У. Шекспира. В фильмах активно используется идея мести для создания сюжетных линий. Сообщение о мести можно услышать каждый день из разных источников информации. В современном мире мсть захватывает новые области взаимодействия людей. С появлением Интернета акты мести стали нередкими в виртуальной среде: кибермсть, выражающаяся, например, в киберпреследовании (König et al., 2010), предоставляет мстителю возможность отомстить обидчику, не опасаясь ответной реакции, так как личность скрывает свое лицо и теряется в цифровых следах. Имеется двойственное отношение к мести. В одних культурах мсть является благородным актом и долгом чести, в других — аморальным поступком. Распространенность мстительного поведения и амбивалентность восприятия мстительных поступков, несомненно, вызывают научный интерес и необходимость понимания психологических основ мести.

Интерес к феномену мести в психологии активно распространялся в психоаналитической среде на протяжении всего XX в. (Gordon, 1955; Castelnovo-Tedesco, 1974; Lane, 1995). С 1970-х гг. месть становится одним из объектов изучения социальной психологии (Geen, Stonner, 1973). В 1990-х гг. месть начинают включать в исследования в сферах юридической, криминальной и семейной психологии (Ayers, 1984; Marongiu, Newman, 1987; Kirman, 1989; Halleck, 1980). В начале 90-х гг. XX ст. появилась первая диагностическая методика, определяющая отношение к мстительному поведению (Stuckless, Goranson, 1992). Данная методика переведена на несколько языков, однако русскоязычной версии пока нет. Более того, на данный момент не удалось найти русскоязычной методики, специализированной на измерении уровня мстительности. В англоязычных исследованиях с начала XXI в. активно развивается психодиагностическое направление изучения мести: изучается связь мести с индивидуальными особенностями (Cota-McKinley et al., 2001; Rasmussen, 2016; Brown, 2004). В 2010-х гг. месть начинают рассматривать через призму межкультурных отношений (Fischer et al., 2010). В последнее время интерес возвращается к индивидуальным различиям, интра- и интерперсональным отношениям как предикторам мести (Yeager et al., 2011; Howard, Duggan, 2021).

К определению мести

Несмотря на значительный интерес к теме, до сих пор не дано общепринятое определение мести. Тем не менее многие исследователи сходятся во мнении, что месть является одной из форм агрессивного поведения (Бэрон, Ричардсон, 1999; Фромм, 1994; Frijda, 1994 и др.). С термином «агрессия» также связаны длительные поиски универсальной дефиниции, однако в современных исследованиях принято определять агрессию как любую форму поведения, имеющую своей целью оскорбить или причинить вред другому живому существу, не желающему подобного обращения (Бэрон, Ричардсон, 1999, с. 26). Мечь есть агрессия, так как имеет своей целью причинить страдания обидчику, который, несмотря на то, что сам совершает агрессивные акты, не желает стать объектом обратной агрессии. Тем не менее не вся ответная агрессия есть месть. Если в теориях возникновения агрессии есть вариативность, например теория инстинкта (Фрейд, 1999), модель «фрустрация — агрессия / готовность к агрессивному поведению» (Miller, 1941; Dollard et al., 1939), теория переноса возбуждения (Zillmann, 1983) и др., то исследователи мести сходятся

в том, что основной причиной мести является ранее причиненный вред, неудобство и несправедливость (Elster, 1990; Berkowitz et al., 1986; Frijda, 1994; Бэрон, Ричардсон, 1999 и др.). Так, Эрих Фромм говорит, что «агрессивность из мести» представляет собой ответный акт человека на несправедливость, которая повлекла за собой его страдания (Фромм, 1994). Следует обратить внимание на значение слова «несправедливость»; в данной работе оно будет пониматься, вслед за Аристотелем, как намеренное причинение вреда другому человеку, противоречащее общим правилам, которым следуют люди (Аристотель, 2005, с. 93). Следовательно, можно рассматривать мсть как модель агрессивного поведения «агрессия — мсть».

Оборонительная агрессия может возникнуть не только на реальную, но и на воображаемую агрессию, более того, на угрозу агрессии (Фромм, 1994). Р. Бэрон и Д. Ричардсон говорят, что агрессивное поведение может быть спровоцировано подозрением об агрессивном акте: человек, заметивший тень возможного преступника, крадущегося по стене его дома, вероятнее всего вооружится и приготовится к атаке (Бэрон, Ричардсон, 1999, с. 139). Такое поведение нельзя классифицировать как мсть. Э. Фромм говорит о том, что мсть нельзя рассматривать как защитную реакцию от агрессивного обращения: мсть совершается после того, как был нанесен урон, то есть в оборонительных реакциях уже нет смысла.

Гораздо сложнее дело обстоит с разграничением понятий мести, возмездия и наказания. Для того, чтобы найти различия между ними, необходимо обратиться к целям, вернее, к намерениям этих явлений. Намерения во многом определяют поступки. Так, Петр Абеляр говорит о важности намерения в оправдании поведения (Абеляр, 2010). Один и тот же поступок может быть интерпретирован по-разному, если разобраться в его намерении. П. Абеляр приводит пример, который хорошо описывает разницу между наказанием и мстью: два человека совершают один поступок — казнят преступника. Первый из них движим идеей справедливости, а для второго человека движущую роль играет давняя ненависть к приговоренному к казни. Повешение преступника в любом случае является актом «во благо», таким актом, которого требует справедливость, однако из-за того, что «вершители правосудия» имеют разные намерения, один и тот же поступок рассматривается по-разному: в первом случае как благой акт, во втором случае — злой (Абеляр, 2010, с. 421). Первый из описанных выше людей совершает казнь не из личной выгоды, а из требований справедливости. Его намерения направлены на преступника, а не на

удовлетворение собственных потребностей. Возмездие совершается с целью повлиять на поведение обидчика, преступника (в данном случае применена крайняя мера), в то время как месть в большей степени имеет личностный смысл (Schumann, Ross, 2010), ставит на первое место удовольствие от страданий обидчиков.

Один из путей регулирования мести — привлечение третьей стороны (McCullough et al., 2001), например, государства. Человечество, как отмечает С.Г. Пилецкий, шло по пути институализации кровной мести (Пилецкий, 2010). Создание государств и распределение функций в человеческом обществе способствовали урегулированию закона кровной мести. Человек, взявший на себя ответственность ответить обидчику, выглядит в глазах общества как человек, совершающий акт мести, однако действия третьей независимой стороны будут восприниматься как акт правосудия. Ст. 43 УК РФ следующим образом определяет наказание:

«П. 1. Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица.

П. 2. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Таким образом, возмездие, совершаемое обществом и уполномоченными лицами, есть наказание.

Компоненты мести

Мечь как особый вид агрессии должна рассматриваться как поведение, при этом с акцентом на личностной и мотивационно-эмоциональной составляющих как предикторах ценностного выбора. Мечь направляется желанием причинить вред обидчику. «Мечь — это не эмоция, но желание отомстить» (Gower, 2013). Таким образом, мы отличаем негативную эмоцию, например гнев, от мести. Мечь не ограничивается аффективным проявлением, а являет собой поведение, стремящееся получить видимый результат. Хотя мечь может иметь аффективный подтекст, человек, намеревающийся мстить, желает увидеть страдания обидчика, то есть обидчику должен быть причинен реальный ущерб (Schumann, Ross, 2010). Для того чтобы акт мести был осуществлен и вообще мог быть задуманным, человек должен обладать правильно функционирующей психикой и здоровой

личностью. Некоторые ученые отмечают, что способность к мести пропадает у психически нездоровых людей, так как личностная и мотивационная сферы претерпевают изменения: люди, страдающие депрессией или психозом, теряют заинтересованность в мести (Gower, 2013). Акт агрессии задевает целостность личности, и человек стремится восстановить упущенное равновесие. У человека должна быть сохранена способность к агрессивному поведению, которое может быть реализовано в необходимых случаях. Когда личность человека задета, у него должно быть желание восстановить ее (Gower, 2013). Таким образом, здоровая личность, агрессия и желание сохранять либидо на определенном, комфортном для человека уровне самооценки являются тремя составляющими, необходимыми для возможности осуществления акта мести.

Д. Голдберг обращает особое внимание на роль фантазии (Goldberg, 2004). Способность фантазировать о мести имеет практически такой же результат, как и непосредственный акт мести. Фантазия о мести может расцениваться как один из способов самозащиты, так называемое действие без действия (Goldberg, 2004), которое помогает освободиться от агрессивных побуждений. Мечь сама по себе приятна (Аристотель, 2005, с. 105). Отсутствие возможности отомстить, по мнению Аристотеля, негативно влияет на человека: человек начинает гневаться и печалиться.

Некоторые исследователи мести добавляют в определение данного понятия такое условие, как причинение необходимого вреда себе. Например, Джон Элстер понимает мечь как «попытку какой-либо ценой или риском для себя причинить страдания тем, кто заставил тебя страдать» (Elster, 1990). По его мнению, акт мести может быть рассмотрен как таковой только в том случае, если человек осуществляет свое мщение с определенными затратами для себя. Однако большинство ученых, по разным причинам, опускают необходимость риска как критерий мести. Необходимость причинения вреда себе слишком сильно ограничивает определение мести. Некоторые ученые утверждают, что мечь направлена на восстановление самочувствия, соответственно, «мститель» желает изменить свое настроение в положительную сторону, а не еще больше ухудшить свое самочувствие (Вестермарк, 2009).

Таким образом, мечь может рассматриваться как таковая в том случае, если она стремится нанести непосредственный вред обидчику, и при этом человек обладает желанием отомстить.

Ресентимент

Если желание мести не может найти выход в реальных действиях, оно погружается вглубь человека, запирается внутри души (Ницше, 2012, Шелер, 1999). «Самоотравление души» начинается в тех случаях, когда по тем или иным причинам человек не имеет возможности выразить свои чувства и аффекты (Шелер, 1999, с. 13). Отсюда берет свое начало чувство ресентимента, понимаемое как интенсивное повторяющееся переживание, «вновь-чувствование» негативной эмоции (Шелер, 1999, с. 10). Ресентимент является реакцией, то есть понятие ресентимента указывает на восприятие человеком предшествующих негативно окрашенных действий в его сторону со стороны других людей (Шелер, 1999, с. 14), другими словами, чувство ресентимента опирается на раздражения из внешнего мира (Ницше, 2012, с. 19).

Два немецких мыслителя, наиболее подробно разбирающие принципы и механизмы ресентимента, Ф. Ницше (Ницше, 2012) и М. Шелер (Шелер, 1999), анализируют этапы развития чувства ресентимента. Существенным различием двух теорий является мнение о «благородной почве» для появления и развития чувства ресентимента. Если основоположник философии ресентимента — Ф. Ницше — считает, что ресентимент в сущности своей является чувством рабов, то М. Шелер, напротив, пишет о том, что максимальное развитие ресентимент может получить в той среде, где предусмотрено равенство людей (равные политические права, признанное равноправие), однако присутствуют объективные различия в фактической власти. Тем не менее у обоих авторов можно проследить идею о необходимо воспринимаемом чувстве бессилия. Жажда мести переходит в чувство ресентимента, где она не может осуществиться из-за бессилия перед обстоятельствами или людьми, на которых направляется импульс мести (Шелер, 1999). Сюда же относится мнение Ф. Ницше о том, что «благородный человек» не испытывает чувства ресентимента, так как его импульс мести находит свое воплощение в немедленных реакциях (Ницше, 2012, с. 21).

Таким образом, двумя исходными пунктами ресентимента являются импульс мести и воспринимаемое чувство бессилия (Шелер, 1999). Запирающееся внутри человека чувство ресентимента активно развивается. Импульс мести и зависть имеют конкретные объекты. Устранение этих объектов приведет к исчезновению соответствующих чувств. Невозможность отомстить причине возникновения импульса мести ведет к тому, что человек начинает испытывать

гнев (Аристотель, 2005) и недоброжелательность (Шелер, 1999). Недоброжелательность влечет за собой коварство, и оба этих чувства, укореняясь в личности и душе человека, отдаляются от изначального объекта мести, начинают выискивать объекты, которые могут удовлетворить эти чувства, в результате перерастая в чувства, грозящие вырваться наружу, отделенные от объектов — злорадство и злобу (Шелер, 1999). Чем неопределеннее объекты мести, тем сильнее импульс мести погружается в ядро личности и перерастает в мстительность, когда ситуации, которые могут послужить сигналом к началу мести, выискиваются инстинктивно (Шелер, 1999, с. 19).

Исследования мести и ressentimenta важны для понимания таких актов, как терроризм и революционное движение. Зацикленность на чувстве гнева и отсутствие возможности отомстить реальным или воображаемым обидчикам перерастают в чувство ressentimenta, которое, в свою очередь, подталкивает людей принимать радикальные меры борьбы за собственные идеалы. Террористы, как «дети без отцов» (Becker, 1977), осуществляют акт мести за обиды, нанесенные их родителям. Чувство беспомощности заставляет человека вступить на путь терроризма из-за отсутствия альтернатив (Knutson, 1981) и невозможности выразить гнев другими способами. Фундамент ressentimenta — неудовлетворенность общественным строем или занимаемой позицией определенной группы, является также причиной возникновения терроризма как социального явления, направленного на разрушение сложившегося социального порядка (Ениколопов, 2006). Таким образом, ressentiment объясняет два аспекта терроризма — индивидуально-психологический и социальный.

Почему люди мстят

Мсть — достаточно распространенный способ поведения, следовательно, мсть должна обладать какими-либо характерными последствиями, привлекающими людей, выбравших путь мести. Многие авторы говорят о положительных аспектах мести (McCullough et al., 2013; Frijda, 1988; Marongiu, Newman, 1987; Grobbink et al., 2015; Bone, Raihani, 2015). Если сопоставить разные мнения и предположения, можно выделить функцию мести, которую разными способами выделяют ученые. Основная функция мести заключается в изменении поведения и мнения других людей (McCullough et al., 2013; Frijda, 1988). Такую формулировку функции мести можно сделать, основываясь на представлении о мести как о социально-психологическом явлении (Рюмшина, Телеснина, 2020). Здесь мы можем говорить

о двойственной функции общества. С одной стороны, общественное мнение оказывает большое влияние на человека, на его нравственный выбор, следовательно, и выбор реакции на нанесенный вред. Легко представить ситуацию, в которой один человек нанес публичное оскорбление другому человеку. В современном обществе такое поступок можно совершить и в реальном, и в виртуальном мире, посредством Интернета, однако основным моментом здесь является наличие посторонних людей. В ситуациях разговора «один на один» человек может вести себя не так, как в ситуациях, где присутствуют третьи лица. Когда в момент нанесения морального или физического ущерба присутствуют свидетели, жертва такого поведения, вероятно, с большей вероятностью будет склонна нанести ответный удар (Бэрн, Ричардсон, 1999). Такое поведение жертвы объясняется желанием сохранить собственное лицо и достоинство. Человек, который не мстит, может восприниматься как слабый (Grobbink et al., 2015). Экспериментальные исследования подтверждают, что ключевыми предикторами мстительного поведения являются как желание мести, так и желание равенства (Bone, Raihani, 2015). Обидчик, позволяя себе агрессивное поведение, вероятно, не испытывает должного уважения к жертве, обесценивает значение чувств человека. Жертва может почувствовать нарушение потребности в уважении. Мечь в подобных случаях может рассматриваться как попытка возвыситься себя в глазах обидчика или свидетелей (McCullough et al., 2013). С этой точки зрения человек и общество служат побудителями мстительного поведения. С другой стороны, человек и общество являются конечными целями, ради которых совершается мечь. В данном случае речь идет о второй особенности мести — сдерживающем характере мести (McCullough et al., 2013; Marongiu, Newman, 1987). Вероятность стать жертвой мести регулирует силу желания причинить вред какому-либо человеку. Агрессор, который помнит и знает о возможной силе ответных действий человека, которому он желает нанести ущерб, может быть менее склонен воплощать свои планы в реальность. Человек, прославивший мстительным, представляет собой наименее вероятную жертву агрессивного поведения (Schumann, Ross, 2010). Склонность человека отвечать агрессивными действиями на агрессивные действия влияет на жизнь людей в глобальном масштабе. В политическом плане мечь имеет свое выражение в военной доктрине гарантированного взаимоуничтожения. Ядерное сдерживание являет собой прямое выражение принципа мести. Владение ядерным оружием является не столько условием, необходимым для ведения

войны, сколько инструментом «политического сдерживания» (Арбатов, Дворкин, 2005).

Возможность стать жертвой мести должна ограничивать агрессивные намерения. Заповедь Моисея «не лжесвидетельствуй» предостерегает от возможной расплаты: «если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя; и прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя; да не пощадит [его] глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. [Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему.]» (Вт. 19:18–21).

Мечь и прощение

Тема нравственности, справедливости и морали широко распространена в разных религиозных учениях (Гусейнов, Апресян, 2000). Идея справедливости во многом определяет понимание мести. Талион можно считать первой, в историческом плане, формой справедливости. *Lex (jus) talionis* — это одна из древнейших форм социального регулирования. *Talionis* происходит от лат. *talio* — возмездие, равное преступлению, и от *talis* — «такой же». Данный принцип можно отнести к правилу, гласящему, что наказание за совершаемое преступление не может быть суровее самого преступления; правилу, которое предполагает, что «возмездие должно строго соответствовать нанесенному ущербу» (Апресян, 2001). В Декалоге Моисея пять заповедей (не убий, не прелюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, не пожелай ничего, что принадлежит твоему ближнему) можно рассматривать как принцип возмездия (Гусейнов, Апресян, 2000). В книге Исхода дано наиболее полное описание этого принципа: «а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23–25). Из этого закона следует, что, забирая более одного глаза за один глаз, нанося более одного ушиба за один ушиб, человек чрезмерно злоупотребляет своим правом, а такое поведение должно быть наказуемым (Gower, 2013). Что значит нарушить заповедь? На примере заповеди «Не убий» мы видим, что недопустимым является поведение, когда человек убивает другого человека, убившего кого-либо, не разобравшись в происшествии. Если доказательства позволяют утверждать, что человек совершил убийство не из принципа «око за око», то закон воздаяния позволяет ответить тем же этому преступнику, однако если есть доказательства, что убийство было совершено по принципу «око

за око», то можно считать, что этот человек не отошел от заповедей, предписанных Моисеем, следовательно, он не совершил преступление (Гусейнов, Апресян, 2000).

Человек в большинстве случаев стремится избежать страданий, он не хочет почувствовать на себе агрессию другого человека, то есть не хочет ощутить на себе месть. Из этого следует, что, по предписанию золотого правила, человек не должен выбирать путь мести, так как это может повлечь за собой ответные агрессивные реакции. Отказ от мести, таким образом, является нравственным выбором. Революционные идеи относительно милосердия и прощения выдвигал Иисус Христос, проповедуя этику любви (Гусейнов, Апресян, 2000). Иисус Христос завещал любить врага своего: «но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Евангелие от Луки, 6, 27–29). Здесь любовь к врагу не подразумевает под собой ту же любовь, что и к другу, однако являет собой акт прощения. Милосердие, в сущности, представляет собой прощение врага в том плане, что милосердный человек отказывается от мести, от мщения врагу (Гусейнов, Апресян, 2000, с. 299).

Отказ от мести может быть спровоцирован не только духовными представлениями, но и индивидуальными, социальными и материальными ограничениями. Согласно К.М. Карлсмиту, осуществление мести не всегда влечет за собой ожидаемое улучшение самочувствия, но может приводить к заикливанию на негативных чувствах в отношении обидчика (Carlsmith et al., 2008). Жертва агрессии несет потери и страдает, отказ от мести может быть мотивирован желанием избежать затрат на месть, то есть нежеланием нести еще большие потери. Несмотря на большое влияние ситуационных факторов (Enright, Coyle, 1998), ряд личностных характеристик также определяет готовность прощать (Emmons, 2000). Например, склонность к прощению имеет положительную связь с доброжелательностью и отрицательную с невротизмом (McCullough, Hoyt, 1999). Сочувствие способствует прощению (Ashton et al., 1998), а гнев, обида, сверхценность и сосредоточенность на мыслях о мести ему препятствуют (Barber et al., 2005).

Прощение представляет собой серьезные изменения в мотивационной сфере, когда у ущемленного или обиженного человека основные мотивы мести или прекращения общения с обидчиком

ослабляются, а мотивы, связанные с поддержанием или восстановлением общения, усиливаются (McCullough et al., 2001). Связь мстительности и прощения следует рассматривать в контексте изменения (снижения) мотивации мести как центрального компонента акта прощения (McCullough et al., 1998).

Заключение

Мсть — форма агрессивного поведения, возникающая в ответ на реально причиненную агрессию и имеющая своей целью восстановить ущемленное позитивное эгоистическое чувство. Изучение мести идет по трем основным направлениям. Во-первых, непосредственно развитие психологических и философских концепций мести и мстительного поведения. Во-вторых, возвращается интерес к чувству resentment, подробно описанному Ницше и Шелером, и его новым проявлениям в современном мире. И, наконец, мсть неразрывно связана с феноменом прощения. Предпочтение мести или милосердия во многом определяется культурными особенностями общества — общество выступает одновременно исходным и конечным пунктом.

В психологии феномен мести рассматривается давно: начиная с психоанализа в начале XX в. и набирая активность в разных сферах психологической науки с начала XXI в. Можно выделить три направления, которые вносят вклад в развитие психологии мести: 1) теоретическое — несмотря на то, что уже более 100 лет феномен мести рассматривается с научной точки зрения, его точное определение не установлено, и работа над понятием мести и мотива мести продолжается; 2) экспериментальное — большинство исследований, ставящих в центр внимания мстительное поведение, организуются по принципу игр: два человека взаимодействуют таким образом, что один из них фрустрирует или «обкрадывает» второго, после чего второму игроку предоставляется возможность продолжить игру или отомстить, забрав у первого еще больше игровых очков (Bone, Raihani, 2015); 3) психодиагностическое — создание и адаптирование опросных методик, наиболее популярное направление в настоящее время.

Первая самостоятельная методика, предназначенная для выявления индивидуально-психологических особенностей людей в отношении моральной приемлемости мести, была разработана в Канаде в 1992 г. (Stuckless, Goranson, 1992). Данный опросник адаптирован на многие языки. В настоящее время нами проведена адаптация этой методики на русский язык (2024 г., в печати).

Список литературы

- Абеляр, П. (2010). Теологические трактаты. Москва: Канон+.
- Апресян, Р.Г. (2001). Талион и золотое правило (Критический анализ сопряженных контекстов). *Вопросы философии*, (3), 72–84.
- Арбатов, А.Г., Дворкин, В.З. (2005). Ядерное сдерживание и нераспространение. Москва: Московский центр Карнеги.
- Аристотель. (2005). Риторика. Москва: Лабиринт.
- Бэрон, Р., Ричардсон, Д. (1999). Агрессия. Санкт-Петербург: Питер.
- Вестермарк, Э. (2009). Сущность мести. *Социологический ежегодник*, (4), 226–248.
- Гусейнов, А.А., Апресян, Р.Г. (2000). Этика: Учебник. Москва: Гардарика.
- Ениколопов, С.Н. (2006). Терроризм и агрессивное поведение. *Национальный психологический журнал*, 1(1), 28–32.
- Ницше, Ф.К. (2012). Генеалогии морали. Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. Москва: Культурная революция.
- Пилецкий, С.Г. (2010). Месть и возмездие: социальная эволюция с обратной связью *Среднерусский вестник общественных наук*, (2), 29–37.
- Рюмшина, Л.И., Телеснина, О.Б. (2020). Месть как социально-психологический феномен. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 9(5а), 194–202.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.09.2023).
- Фрейд, З. (1999). Введение в психоанализ. Лекции 1–15. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Фромм, Э. (1994). Анатомия человеческой деструктивности. Москва: Республика.
- Шелер, М. (1999). Ресентимент в структуре моралей. Санкт-Петербург: Наука, Университет.
- Ashton, M.C., Paunonen, S.V., Helmes, E., Jackson, D.N. (1998). Kin altruism, reciprocal altruism, and the Big Five personality factors. *Evolution and Human Behavior*, 19(4), 243–255.
- Ayers, E.L. (1984). Vengeance and justice: Crime and punishment in the 19th century American South. New York: Oxford Univ. Press
- Barber, L., Maltby, J., Macaskill, A. (2005). Angry memories and thoughts of revenge: The relationship between forgiveness and anger rumination. *Personality and Individual Differences*, 39(2), 253–262.
- Becker, J. (1977). Hitler's Children: The Story of the Baader–Meinhoff Gang. Philadelphia: J.B. Lippincott Company.
- Berkowitz, M.W., Mueller, C.W., Schnell, S.V., Padberg, M.T. (1986). Moral reasoning and judgments of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51(4), 885–891.

Bone, J.E., Raihani, N.J. (2015). Human punishment is motivated by both a desire for revenge and a desire for equality. *Evolution and Human Behavior*, 36(4), 323–330.

Brown, R.P. (2004). Vengeance is mine: Narcissism, vengeance, and the tendency to forgive. *Journal of Research in Personality*, 38(6), 576–584. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2003.10.003>

Carlsmith, K.M., Wilson, T.D., Gilbert, D.T. (2008). The paradoxical consequences of revenge. *Journal of Personality and Social Psychology*, (95), 1316–1324.

Castelnuovo-Tedesco, P. (1974). Stealing, revenge and the Monte Cristo complex. *The International Journal of Psycho-Analysis*, (55), 169–177.

Cota-McKinley, A.L., Woody, W.D., Bell, P.A. (2001). Vengeance: Effects of gender, age, and religious background. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*, 27(5), 343–350.

Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on November 21, 2022). Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 03.09.2023).

Dollard, J., Doob, L., Miller, N., Mowrer, O.H., Sears, R.R. (1939). *Frustration & Aggression*. New Haven: Yale Univ. Press.

Elster, J. (1990). Norms of revenge. *Ethics*, 100(4), 862–885.

Emmons, R.A. (2000). Personality and forgiveness. In: M.E. McCullough, K.I. Pargament, C.E. Thoresen (Eds.), *Forgiveness: Theory, research, and practice* (pp. 156–175). New York: The Guilford Press.

Enright, R.D., Coyle, C.T. (1998). Researching the process model of forgiveness within psychological interventions. *Dimensions of forgiveness: Psychological research and theological perspectives*, (1), 139–161.

Fischer, P., Haslam, S.A., Smith, L. (2010). “If you wrong us, shall we not revenge?” Social identity salience moderates support for retaliation in response to collective threat. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 14(2), 143–150.

Frijda, N.H. (1988). The laws of emotion. *American Psychologist*, 43(5), 349–358. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.43.5.349F>

Frijda, N.H. (1994). The lex talionis: On vengeance. In: S.H. M. van Goozen, N.E. van de Poll, J.A. Sergeant (Eds.), *Emotions: Essays on emotion theory* (pp. 263–289). Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.

Geen, R.G., Stonner, D. (1973). Context effects in observed violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 25(1), 145–150.

Goldberg, J.G. (2004). Fantasies of revenge and the stabilization of the ego: Acts of revenge and the ascension of Thanatos. *Modern Psychoanalysis*, 29(1), 3–21.

Gordon, L. (1955). Incest as revenge against the pre-oedipal mother. *The Psychoanalytic Review* (1913-1957), (42), 284–292.

Gower, M. (2013). Revenge: interplay of creative and destructive forces. *Clinical Social Work Journal*, 41(1), 112–118.

Grobbink, L.H., Derksen, J.J., van Marle, H.J. (2015). Revenge: An analysis of its psychological underpinnings. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 59(8), 892–907.

Halleck, S.L. (1980). Vengeance and victimization. *Victimology*, 5(2), 99–109.

Howard, R., Duggan, C. (2021). 20 Personality Disorder and Offending. *Forensic Psychology*, (3), 468–484.

Kirman, W.J. (1989). Revenge and accommodation in the family. *Modern Psychoanalysis*, 14(1), 89–95.

Knutson, J.N. (1981). Social and Psychodynamic Pressures Toward a Negative Identity: The Case of an American Revolutionary Terrorist, in Alexander and Gleason. New York: Pergamon.

König, A., Gollwitzer, M., Steffgen, G. (2010). Cyberbullying as an act of revenge? *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 20(2), 210–224.

Lane, R.C. (1995). The revenge motive: A developmental perspective on the life cycle and the treatment process. *Psychoanalytic review*, 82(1), 41–64.

Marongiu, P., Newman, G.R. (1987). Vengeance: The fight against injustice. Totowa: Rowman & Littlefield.

McCullough, M.E., Bellah, C.G., Kilpatrick, S.D., Johnson, J.L. (2001). Vengefulness: Relationships with forgiveness, rumination, well-being, and the Big Five. *Personality and social psychology bulletin*, 27(5), 601–610.

McCullough, M.E., Hoyt, W.T. (1999). Recovering the person from interpersonal forgiving. In annual meeting of the American Psychological Association, Boston, MA. New York: Oxford Univ. Press.

McCullough, M.E., Kurzban, R., Tabak, B.A. (2013). Cognitive systems for revenge and forgiveness. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(1), 1–15.

McCullough, M.E., Rachel, C., Sandage, S.J., Brown, S.W., Worthington, E.L., Hight, T.L. (1998). Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement. *Journal of personality and social psychology*, 75(6), 1586–1603.

Miller, N.E. (1941). I. The frustration-aggression hypothesis. *Psychological review*, 48(4), 337–342.

Rasmussen, K. (2016). Entitled vengeance: A meta-analysis relating narcissism to provoked aggression. *Aggressive Behavior*, 42(4), 362–379. <https://doi.org/10.1002/ab.21632>

Schumann, K., Ross, M. (2010). The benefits, costs, and paradox of revenge. *Social and Personality Psychology Compass*, 4(12), 1193–1205.

Stuckless, N., Goranson, R. (1992). The vengeance scale: Development of a measure of attitudes toward revenge. *Journal of social behavior and personality*, 7(1), 25–42.

Yeager, D.S., Trzesniewski, K.H., Tirri, K., Nokelainen, P., Dweck, C.S. (2011). Adolescents' implicit theories predict desire for vengeance after peer conflicts: correlational and experimental evidence. *Developmental psychology*, 47(4), 1090–1107.

Zillmann, D. (1983). Arousal and aggression. *Aggression: Theoretical and empirical reviews*, (1), 75–102.

References

Abelar, P. (2010). Theological treatises. Moscow: Canon+. (In Russ.).

Apresyan, R.G. (2001). Talion and the Golden Rule (Critical Analysis of Conjugated Contexts). *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*, (3), 72–84. (In Russ.).

Arbatov, A.G., Dvorkin, V.Z. (2005). Nuclear deterrence and non-proliferation. Moscow: Carnegie Moscow Center. (In Russ.).

Aristotle. (2005). Rhetoric. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).

Ashton, M.C., Paunonen, S.V., Helmes, E., Jackson, D.N. (1998). Kin altruism, reciprocal altruism, and the Big Five personality factors. *Evolution and Human Behavior*, 19(4), 243–255.

Ayers, E.L. (1984). Vengeance and justice: Crime and punishment in the 19th century American South. New York: Oxford Univ. Press

Barber, L., Maltby, J., Macaskill, A. (2005). Angry memories and thoughts of revenge: The relationship between forgiveness and anger rumination. *Personality and Individual Differences*, 39(2), 253–262.

Baron, R., Richardson, D. (1999). Aggression. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

Becker, J. (1977). Hitler's Children: The Story of the Baader–Meinhoff Gang. Philadelphia: J.B. Lippincott Company.

Berkowitz, M.W., Mueller, C.W., Schnell, S.V., Padberg, M.T. (1986). Moral reasoning and judgments of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 51(4), 885–891.

Bone, J.E., Raihani, N.J. (2015). Human punishment is motivated by both a desire for revenge and a desire for equality. *Evolution and Human Behavior*, 36(4), 323–330.

Brown, R.P. (2004). Vengeance is mine: Narcissism, vengeance, and the tendency to forgive. *Journal of Research in Personality*, 38(6), 576–584. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2003.10.003>

Carlsmith, K.M., Wilson, T.D., Gilbert, D.T. (2008). The paradoxical consequences of revenge. *Journal of Personality and Social Psychology*, (95), 1316–1324.

Castelnuovo-Tedesco, P. (1974). Stealing, revenge and the Monte Cristo complex. *The International Journal of Psycho-Analysis*, (55), 169–177.

Cota-McKinley, A.L., Woody, W.D., Bell, P.A. (2001). Vengeance: Effects of gender, age, and religious background. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*, 27(5), 343–350.

Dollard, J., Doob, L., Miller, N., Mowrer, O.H., Sears, R.R. (1939). Frustration & Aggression. New Haven: Yale Univ. Press.

Elster, J. (1990). Norms of revenge. *Ethics*, 100(4), 862–885.

Emmons, R.A. (2000). Personality and forgiveness. In: M.E. McCullough, K.I. Pargament, C.E. Thoresen (Eds.), *Forgiveness: Theory, research, and practice* (pp. 156–175). New York: The Guilford Press.

Enikolopov, S.N. (2006). Terrorism and aggressive behavior. *National Psychological Journal*, 1(1), 28–32. (In Russ.).

Enright, R.D., Coyle, C.T. (1998). Researching the process model of forgiveness within psychological interventions. *Dimensions of forgiveness: Psychological research and theological perspectives*, (1), 139–161.

Fischer, P., Haslam, S.A., Smith, L. (2010). “If you wrong us, shall we not revenge?” Social identity salience moderates support for retaliation in response to collective threat. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 14(2), 143–150.

Freud, Z. (1999). Introduction to psychoanalysis. Lectures 1–15. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.).

Frijda, N.H. (1988). The laws of emotion. *American Psychologist*, 43(5), 349–358. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.43.5.349F>

Frijda, N.H. (1994). The lex talionis: On vengeance. In: S.H. M. van Goozen, N.E. van de Poll, J.A. Sergeant (Eds.), *Emotions: Essays on emotion theory* (pp. 263–289). Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.

Fromm, E. (1994). *Anatomy of human destructiveness: Translation*. Moscow: Republic. (In Russ.).

Geen, R.G., Stonner, D. (1973). Context effects in observed violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 25(1), 145–150.

Goldberg, J.G. (2004). Fantasies of revenge and the stabilization of the ego: Acts of revenge and the ascension of Thanatos. *Modern Psychoanalysis*, 29(1), 3–21.

Gordon, L. (1955). Incest as revenge against the pre-oedipal mother. *The Psychoanalytic Review* (1913-1957), (42), 284–292.

Gower, M. (2013). Revenge: interplay of creative and destructive forces. *Clinical Social Work Journal*, 41(1), 112–118.

Grobbink, L.H., Derksen, J.J., van Marle, H.J. (2015). Revenge: An analysis of its psychological underpinnings. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 59(8), 892–907.

Guseinov, A.A., Apresyan R.G. (2000). *Ethics: Textbook*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).

Halleck, S.L. (1980). Vengeance and victimization. *Victimology*, 5(2), 99–109.

Howard, R., Duggan, C. (2021). 20 Personality Disorder and Offending. *Forensic Psychology*, (3), 468–484.

Kirman, W.J. (1989). Revenge and accommodation in the family. *Modern Psychoanalysis*, 14(1), 89–95.

Knutson, J.N. (1981). Social and Psychodynamic Pressures Toward a Negative Identity: The Case of an American Revolutionary Terrorist, in Alexander and Gleason. New York: Pergamon.

König, A., Gollwitzer, M., Steffgen, G. (2010). Cyberbullying as an act of revenge? *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 20(2), 210–224.

Lane, R.C. (1995). The revenge motive: A developmental perspective on the life cycle and the treatment process. *Psychoanalytic review*, 82(1), 41–64.

Marongiu, P., Newman, G.R. (1987). *Vengeance: The fight against injustice*. Totowa: Rowman & Littlefield.

McCullough, M.E., Bellah, C.G., Kilpatrick, S.D., Johnson, J.L. (2001). Vengefulness: Relationships with forgiveness, rumination, well-being, and the Big Five. *Personality and social psychology bulletin*, 27(5), 601–610. New York: Oxford Univ. Press.

McCullough, M.E., Hoyt, W.T. (1999). Recovering the person from interpersonal forgiving. In annual meeting of the American Psychological Association, Boston, MA. New York: Oxford Univ. Press.

McCullough, M.E., Kurzban, R., Tabak, B.A. (2013). Cognitive systems for revenge and forgiveness. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(1), 1–15.

McCullough, M.E., Rachel, C., Sandage, S.J., Brown, S.W., Worthington, E.L., Hight, T.L. (1998). Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(6), 1586–1603.

Miller, N.E. (1941). I. The frustration-aggression hypothesis. *Psychological review*, 48(4), 337–342.

Nietzsche, F. (2012). Collected works: On the genealogy of morality. Moscow: Cultural Revolution. (In Russ.).

Piletsky, S.G. (2010). Revenge and retribution: social evolution with feedback. *Srednerusskii Vestnik Obshchestvennykh Nauk (Central Russian Journal of Social Sciences)*, (2), 29–37. (In Russ.).

Rasmussen, K. (2016). Entitled vengeance: A meta-analysis relating narcissism to provoked aggression. *Aggressive Behavior*, 42(4), 362–379. <https://doi.org/10.1002/ab.21632>

Ryumshina, L.I., Telesnina, O.B. (2020). Revenge as a sociopsychological phenomenon. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya (Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Research)*, 9(5a) 194–202. (In Russ.).

Scheler, M. (1999). Resentment in the structure of morals. St. Petersburg: Science, University book. (In Russ.).

Schumann, K., Ross, M. (2010). The benefits, costs, and paradox of revenge. *Social and Personality Psychology Compass*, 4(12), 1193–1205.

Stuckless, N., Goranson, R. (1992). The vengeance scale: Development of a measure of attitudes toward revenge. *Journal of Social Behavior and Personality*, 7(1), 25–42.

Westermarck, E. (2009). The essence of revenge. *Sotsiologicheskii Ezhegodnik (Sociological Yearbook)*, (4), 226–248. (In Russ.).

Yeager, D.S., Trzesniewski, K.H., Tirri, K., Nokelainen, P., Dweck, C.S. (2011). Adolescents' implicit theories predict desire for vengeance after peer conflicts: correlational and experimental evidence. *Developmental psychology*, 47(4), 1090–1107.

Zillmann, D. (1983). Arousal and aggression. *Aggression: Theoretical and Empirical Reviews*, (1), 75–102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Элина Владимировна Кольванова, студентка кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, kolyvanovaelina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1987-9946>

Сергей Николаевич Ениколопов, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья, Москва, Российская Федерация, enikolopov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>

ABOUT THE AUTHORS

Elina V. Kolyvanova, student at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kolyvanovaelina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1987-9946>

Sergey N. Enikolopov, Cand.Sci. (Psychology), Leading Researcher at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Head of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation, enikolopov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0615-6703>

Поступила: 03.10.2023; получена после доработки: 01.02.2024; принята в печать: 21.03.2024.

Received: 03.10.2023; revised: 01.02.2024; accepted: 21.03.2024.